

КРЫМЪ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ

Ѳ. БРУНА.

ИЗД. И. ѲЕДОРОВА.

ОДЕССА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НИТЧЕ.
1867.

Дозволено цензурою. Одесса, 12 Ноября 1867 года.

КРЫМСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ,

ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Нижеслѣдующій очеркъ переведенъ мною изъ статьи, помѣщенной въ Запискахъ Вѣнской академіи наукъ (XL, 550 — 593), подъ заглавіемъ: «Walachei, Moldau, Bessarabien, die Krim, Taman und Asow (in der Mitte des vorigen Jahrhunderts). Ein topographisch-ethnographischer Beitrag zur Kenntniss der damaligen Türkei. Aus dem Türkischen übertragen: von dem e. M. Ottokar Freiherr von Schlechta Wssehrd».

Изъ предисловія нѣмецкаго переводчика мы узнаемъ, что онъ извлекъ статью эту изъ сочиненія турецкаго чиновника, которое сохранилось въ рукописи, и то, кажется, въ одномъ только экземплярѣ, у государственнаго совѣтника Суби-бея (Ssubhi-Bey) въ Константинополѣ. Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ, на 327 стр. in fol., описаніе Египта, западной Африки, европейской Турціи, христіанской Европы и Америки, съ замѣтками объ устройствѣ двора, войска и флота Оттоманской имперіи.

«Должно думать», замѣчаетъ г. Шлехта, «что сочиненіе это было написано не позже пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, поелику авторъ о многомъ говоритъ какъ очевидецъ, позднѣйшее же datum имъ отмѣченное 1742 годъ».

Такъ какъ та именно часть его замѣтокъ, которая явилась въ Запискахъ Вѣнской академіи, для насъ еще интереснѣе, чѣмъ для Нѣмцевъ, то я считалъ не лишнимъ сдѣлать ее доступною для русскихъ читателей, въ невозможности пользоваться для своего перевода турецкимъ оригиналомъ и въ неизвѣстности скоро-ли онъ удостоится вниманія кого-либо изъ нашихъ оріенталистовъ.

Предоставляя себѣ представить публикѣ въ другомъ мѣстѣ переводъ замѣтокъ турецкаго автора о румынскихъ княжествахъ и Бессарабіи, я ограничусь здѣсь сообщеніемъ того, что онъ говоритъ о Крымѣ, съ окрестностями, съ присовокупленіемъ впрочемъ къ его словамъ замѣчаній, заимствованныхъ мною отчасти изъ дневника фельдмаршала графа Мюниха о крымскомъ походѣ 1736 г., изданнаго Германомъ (Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs; Leipzig, 1843 стр. 117 — 229), по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Саксонскаго главнаго государственнаго архива.

Хотя дневникъ этотъ, мастерски начертанный, представляетъ намъ весьма любопытныя подробности о топографіи Новороссійскаго края, равно какъ и о попыткахъ для присоединенія его къ Имперіи, тѣмъ не менѣе онъ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не былъ переведенъ на русскій языкъ. Посему то именно я рѣшился пользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы познакомить любителей отечественной нашей исторіи и географіи хоть съ нѣкоторыми отрывками изъ записокъ «Сѣвернаго Евгенія», къ которому мы въ полномъ правѣ примѣнить замѣтку Квинтиліана о дѣяніяхъ Юлія Цесаря: eodem animo dixit que bellavit.

Ф. Брунъ.

Крѣпость *Очаковъ* (Ози) лежитъ подъ 58 гр. дол. и 48 гр. шир., въ 36 часахъ отъ Бендеръ, при рѣкѣ того-же имени (Ози-су: Днѣпръ). Хотя тутъ нѣтъ гавани, тѣмъ не менѣе корабли, безъ опасности, могутъ стоять на якоряхъ предъ крѣпостью. Вода Днѣпровская тамъ не сладка, потому что морская вода проникаетъ въ рѣку выше Очакова, противъ котораго стоитъ крѣпость *Кинбурнъ* (Килибурунъ) съ особеннымъ комендантомъ (1). Очаковъ не въ состояніи препятствовать козацкимъ чайкамъ пробираться въ море изъ Днѣпра, такъ какъ онъ тутъ имѣетъ четыре мили ширины.

Русскому-же флоту крѣпость можетъ преградить путь въ море. Чтобы обезопасить себя и противъ козаковъ, были заложены въ 1090 (1679) году, не далеко отъ укрѣпленія Тегинскаго (Тоганъ-гиссари) двѣ крѣпосцы, мѣшавшія имъ пробираться въ

Черное море (2). Но по причинѣ продолжавшихся успѣховъ невѣрныхъ, обѣ эти крѣпосцы были затѣмъ покинуты. Впрочемъ и нынѣ еще существуютъ два укрѣпленныхъ пункта и удобный для плаванія лиманъ, названный «Березанскій». Выше Очакова протекаетъ рѣка Бугъ, называемая также Акъ-су. Рѣка сія идетъ изъ Россіи. Въ сосѣдствѣ Тегинскаго укрѣпленія лежитъ «Карендашюнъ-Ормани» (Лѣсъ моего брата, нынѣ Козацкіе Лагери, противъ Херсона), гдѣ обитаютъ Запорожскіе козаки (Поткали), которые въ прежніе времена были подвластны Крымскимъ ханамъ, и служили поденщиками для жителей Очакова, Аккермана, Бендеръ и Киліи. Называли ихъ по этому «Теръ-оглу» (потѣющіе-парни). Иногда также ихъ продавали въ рабство купцамъ Константинопольскимъ и Египетскимъ, и тѣмъ подавали поводъ къ многимъ жалобамъ, со стороны атамана козацкаго, крымскому хану и командующимъ въ тѣхъ мѣстахъ сераскирамъ. Впрочемъ никто не обращалъ вниманія на это. Козаки суть невѣрные весьма храбрые и воинственные, числомъ до 12,000 и вооружены ружьями. Они въ своей средѣ не терпятъ женщинъ, но пополняются молодыми людьми изъ Россіи и Польши, бѣжавшими оттуда ради какого-либо преступленія. Нѣкогда они были подвластны Высокой Портѣ и доставляли ей въ военное время контингентъ легкихъ войскъ, всегда готовыхъ къ бою и быстрыхъ какъ вѣтръ. Но въ 1135-мъ (1722 — 1723) году, въ царствованіе крымскаго хана Менгли-Герая, они снова жаловались на продажу въ неволю, по ихъ словамъ, не менѣе 500,000 козаковъ изъ разныхъ городовъ и портовъ Бессарабскихъ. Но въ этотъ разъ не внимали ихъ жалобѣ. Русскіе, бывшіе дотолѣ ихъ смертельными врагами, пользовались раздраженіемъ у нихъ происходившимъ по сему случаю, чтобы предложить Портѣ предоставить ихъ власти всѣ племена козацкіе. Послѣдніе тщетно просили, чтобы сего не дѣлали. Но, не внимая ихъ гласу, дали себя надуть со стороны невѣрныхъ и уступили Россіи болѣе 12,000 людей способныхъ носить оружіе. Но это приращеніе могущества Москвитянъ еще болѣе усилило ихъ желаніе овладѣть всѣмъ Черным моремъ. Вскорѣ спустя они взяли Азовъ и проникли въ 1149 (1736) году даже въ Крымъ, взявъ приступомъ Перекопъ (Оръ), коего жителей увезли въ плѣнъ въ Россію.

откуда ихъ возвратили уже по истеченіи долгаго времени. Когда правительство (турецкое) это узнало, то оно послало Мегмеда-пашу, зятя Топалъ-Осьманъ-паши, сераскиромъ, съ 60,000 человѣкъ отборнаго войска къ Дунаю, гдѣ онъ остановился при Карталѣ, противъ Исакчи, не получивъ позволенія двинуться далѣе. Затѣмъ прибылъ немедленно и силидарь Сейджидъ Мегмедъ-паша съ священнымъ знаменемъ и переправился въ Исакчѣ, но затѣмъ также не тронулся съ мѣста. Яги-паша, тогдашній комендантъ Очакова, просилъ его о пособіи, извѣщая, что Русскіе уже перешли черезъ Бугъ и приближались къ крѣпости. Но кіая великаго визиря, Османъ, объявилъ это извѣстіе пустою выдумкою и не обращалъ никакого вниманія на письменное донесеніе. Между тѣмъ невѣрные дѣйствительно подступили къ Очакову и начали его осаду (3) Взрывъ пороховаго магазина имъ много благопріятствовалъ. Часть крѣпости была разрушена пушечными выстрѣлами; остальная была предана разграбленію, и пережившіе обитатели увезены голые въ плѣнъ. Въ Очаковъ былъ назначенъ русскій коммендантъ, и часть русской флотиліи получила тамъ свою станцію. Между тѣмъ стояли въ Карталѣ, какъ могъ лично убѣдиться находившійся при священномъ знамени авторъ этихъ строкъ, не менѣе 200,000 янычаръ, не считая кавалеріи. Но къ чему они пригодились, не предпринявши ничего для спасенія города. Въ то самое время Менгли-Герай былъ назначенъ ханомъ Крымскимъ и посланъ съ Родоса въ Карталъ, для возвращенія Очакова. Двѣ недѣли до дня Св. Димитрія новый сераскиръ Бендерскій Гендшъ-Али также двинулся къ Очакову, осажденному такимъ образомъ соединенными ихъ силами. Но вскорѣ зима наступила; ханъ возвратился черезъ Днѣпръ въ Крымъ и остальныя войска разсѣялись, оставляя на мѣстѣ багажъ. Многіе изъ раненыхъ погибли жалкимъ образомъ подъ льдомъ и снѣгомъ. Главная армія также возвратилась въ Константинополь, послѣ чего Русскіе взорвали укрѣпленія Очакова и стерли ихъ съ лица земли. Но по ихъ отступленію они снова были выстроены Портою.

Очаковъ снабжается водою для питья изъ колодцевъ, находящихся на часъ разстоянія отъ города, ибо рѣчная вода въ сосѣдствѣ соленовата. За то вокругъ лежащая равнина прекрасна

и плодородна. Климатъ также хорошъ. Въ окрестностяхъ водятся многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ сосѣднихъ степяхъ встрѣчаются дикія овцы, дикія лошади и также — въ дикости живущіе люди. Предъ нашествіемъ Русскихъ, населеніе было весьма зажиточно, такъ что вовсе не было убогихъ. Но такъ какъ жители во многихъ отношеніяхъ не наблюдали мѣры, то Богъ ихъ наказалъ пришествіемъ невѣрныхъ. Желающіе отправляться изъ Очакова въ Крымъ, переправляются на понтонахъ въ Кинбурнъ. Оттуда степь, имѣя въ протяженіи 36 часовъ, тянется до Перекопа. Степь эта, въ которой путешественники проводятъ двѣ или три ночи, называется Гайгатъ. (Haihat?).

Входомъ въ Крымъ служитъ *Перекопъ* (Уръ), лежащій подъ 63 гр. долг. и 49 шир., на перешейкѣ, который ограничивается съ правой стороны Чернымъ моремъ, съ лѣвой-же — Азовскимъ. Перешеекъ этотъ, имѣющій въ протяженіи полторы мили (4,) снабженъ высокимъ укрѣпленіемъ и рвомъ въ 7 пикъ (ок. аршина), глубины и 20 пикъ ширины. На берегу лежитъ каменная крѣпостца съ предмѣстьемъ. Вода получается изъ колодцевъ. Садовъ и огородовъ вовсе нѣтъ въ окрестностяхъ, подходящихъ на островъ. Впрочемъ климатъ здоровый и зима мягка. По причинѣ недостатка въ лѣсѣ, топятъ навозомъ. И Перекопъ былъ въ свое время взятъ Русскими, (5), которые его взорвали минами. За тѣмъ онъ былъ снова выстроенъ правительствомъ, такъ какъ онъ есть врата и оплотъ Крыма. Къ сожалѣнію никогда не обращали на это достаточнаго вниманія: въ противномъ случаѣ не оставили-бы превратить его въ одну изъ сильнѣйшихъ и лучшихъ крѣпостей.

Крымъ есть островъ, имѣющій видъ треугольника и 700 миль въ объемѣ и находящійся въ связи съ твердою землею посредствомъ перешейка Перекопскаго, который имѣетъ въ ширину полторы мили. Онъ населенъ Татарами. Главный ихъ городъ, резиденція хановъ, называется Бакчисарай. Всѣ города и мѣстечки подвѣдомственны хану, за исключеніемъ Каффы и крѣпости Еникале, гдѣ оттоманскіе паши командуютъ.

Каффа (Кеффе), хорошо обстроенный городъ и сильная крѣпость, лежитъ подъ 65 град. долг. и 47 град. шир., на разстояніи $464\frac{1}{2}$ миль (морскихъ?) отъ Константинополя. Городъ этотъ. по правдѣ, перлъ (Schmuck) всего острова. Принадлежа прежде Генуэзцамъ, онъ при султанѣ Магометѣ (II) былъ завоеванъ для Порты, вмѣстѣ съ Азовомъ и Мангупомъ-Гедикъ-Ахмедъ пашею, который туда былъ посланъ съ флотомъ и плѣнилъ находившагося тамъ Менгли-Герая, потомка Гаджи-Герая. Отправленный въ Константинополь, онъ тамъ былъ содержанъ въ заточеніи нѣсколько дней султаномъ, но за тѣмъ, по представленію Мирзы-Бега, который, указывая на потребность правителя, просилъ, чтобы его назначили провизорнымъ ханомъ съ тѣмъ, чтобы онъ призналъ верховную власть Порты — былъ освобожденъ, награжденъ барабаномъ и знаменемъ и въ сопровожденіи отряда оттоманскихъ войскъ отправленъ обратно въ Крымъ. Тутъ Мирза-бегъ выступилъ ему на встрѣчу и ввелъ его торжественно въ Бакчи-сарай.

Въ Каффѣ, гдѣ, какъ было сказано, имѣетъ свою резиденцію турецкій губернаторъ, относительная численность татарскаго населенія не велика; невѣрныхъ, напротивъ того, тамъ находится много. Послѣдніе занимаются выкупомъ рабовъ и ихъ отправленіемъ въ Польшу и Россію. Въ Каффѣ 12 греческихъ и 32 армянскихъ церквей. При завоеваніи сего города Портою, въ немъ число жителей доходило до 6,000 семействъ съ 30,000 рабовъ. И нынѣ еще онъ въ хорошемъ состояніи, имѣетъ красивыя мечети, бани, базары и считается важнымъ торговымъ мѣстомъ, которое часто посѣщается купцами Константинопольскими и Трапезунтскими. Многія изъ тамошнихъ баней и магазиновъ суть фундуши въ пользу святыхъ мѣстъ (гаремейнъ). И муфти, кади и другіе улемы имѣютъ тамъ свою резиденцію.

Бакчисарай, лежащій подъ 64 гр. долг. и 48 шир., главный городъ Крыма; онъ хорошо обстроенъ и пользуется здоровымъ климатомъ. Ручей протекаетъ чрезъ городъ, украшаемый садами и огородами. Въ немъ имѣетъ свою резиденцію ханъ; но дворецъ его съ мечетью и проч. сгорѣли, въ царствованіе Капланъ-Герая, когда Русскіе, вторгнувшіеся чрезъ Перекопъ съ значительными силами, въ 1150 (1737) году, разрушили городъ (6).

Въ то же время, сосѣдственныя мѣстности были раззорены, жители-же отведены въ плѣнъ. По удаленіи Русскихъ дворецъ былъ построенъ снова, для какой цѣли были посланы Портою изъ Константинополя строевой матеріалъ, архитекторы и красильщики. Не далеко отъ Бакчисарая лежитъ на возвышенности сильная крѣпостца, названная Чуфутъ-Кале и населенная евреями.

Акмесджидъ (Ak-Mestschid, Симферополь), резиденція калги-султана (викарія хана), приблизительно съ 150 домами. Около Бакчисарая лежитъ еще мѣстечко Альма-Сарай (Elma-Sarai) съ франко-европейскою церковью и, около, 50 домами.

Гёзлеве (Козловъ, Евпаторія), значительное мѣсто (7) при ущельѣ, съ хорошею гаванью. Не далеко оттуда другой городокъ, возлѣ котораго добывается соль, съ гаванью, именуемою Алешки (Олейта).

Балыклава, съ весьма глубокою, удобною гаванью, гдѣ корабли обезпечены противъ бурь со всѣхъ сторонъ. Въ цитадели находятся примѣрно 150 домовъ. Дорога оттуда до Каффы камениста (8).

Керчь, подъ 67 гр. д. и 48 ш., при Азовскомъ морѣ, къ сѣверу отъ Каффы, укрѣпленная паланка.

Тамань, городъ съ цитаделью, извѣстный по своей торговлѣ, лежитъ противъ Керчи, въ Азіи, на небольшомъ, но хорошо обработанномъ полуостровѣ. Въ цитадели имѣетъ свое мѣстопребываніе комендантъ (мугафицъ) съ гарнизономъ. Въ городѣ находятся хорошія мечети, бани и базары. Нѣкоторые изъ тамошнихъ магазиновъ суть фундушы святыхъ мѣстъ. Таманское сало славится, и тамошніе купцы производятъ торговлю съ Черкесами, Абхазами и Улу-ногайцами. Противъ Тамани лежитъ мысъ, называемый Акинди-бурунъ (9) и Ени-кале, построенный въ царствованіе султана Ахмеда при великомъ визирѣ Али-пашѣ изъ Чорли (10). Тамъ живетъ также комендантъ крѣпости.

Въ Крыму лежитъ еще на берегу Азовскаго моря, которое тамъ вдается далеко въ землю

Арабатъ (Ребатъ), построенный для защиты края противъ козаковъ по случаю отлива моря. Во время вторженія Русскихъ въ Крымъ, часть изъ нихъ перебралась въ бродъ въ сосѣд-

ствѣ Арабата и увели съ собою большое число плѣнныхъ изъ близлежащихъ крымскихъ деревень.

Мангупъ, въ Крыму, названный также Карасу (11), мѣсто укрѣпленное съ 60 домами, населенными отчасти евреями.

Окрестности весьма лѣсисты.

Карашка, выше Тамани, при самомъ концѣ пролива у Азовскаго моря, раззоренная крѣпость.

Кизиль-Ташъ, въ трехъ часахъ отъ Тамани, при Кубани, небольшая крѣпость, почитаемая частью Тамани. Предъ цитаделью находится мостъ.

Джане, значительная деревня при большой рѣкѣ, которая изливается въ Азовское море, съ укрѣпленіемъ, обращеннымъ къ рѣкѣ. Тамъ имѣетъ жительство Акъ-Чыбукъ-Бегъ, подвѣдомственный татарскому хану, черкесскій начальникъ надъ 300 деревнями вокругъ лежащими. Разстояніе между Джане и Кизилъ-ташомъ составляетъ 6 почтъ, тогда какъ оттуда до Азова считается десять дней ѣзды. Надъ сказанною рѣкою переправляются на паромахъ. Оттуда до Азова пролегаетъ степь.

Хирсова, въ двухъ почтахъ отъ Азова на пути въ землю черкесовъ, хорошо обстроенный городъ (12). Тамерланъ, какъ говорятъ, осадилъ его, но не могъ имъ овладѣть. По этому онъ для виду только съ нимъ примирился, требуя въ залогъ пересылки живыхъ воробьевъ. Жители тогда словили ихъ извѣстное число и переслали ихъ къ нему. Но онъ, велѣвъ привязать горящую сѣру подъ крылья этихъ воробьевъ и пустилъ ихъ на волю, послѣ чего они, добираясь до прежнихъ своихъ жилищъ, летѣли обратно въ городъ, который такимъ образомъ сгорѣлъ.

Темрюкъ, между Таманью и Кубанью, укрѣпленное мѣстечко, выстроенное изъ лѣса и населенное преимущественно Черкесами и Абхазами. Мусульмановъ здѣсь не много. Мѣстечко это отстоитъ отъ Кубани въ 3 почтахъ, отъ Тамани на западъ, въ 2. Вообще есть три дороги отъ Тамани въ Азовъ: первая, главная, ведетъ чрезъ Джане и имѣетъ 16 почтъ; другая, чрезъ Темрюкъ, вдоль морскаго берега (4 почты), но только тогда, когда вода покрыта льдомъ; наконецъ дорога чрезъ Старый-Джане, въ середи-

нѣ между обѣими первыми, составляетъ 8 станцій. Дорога изъ Тамани къ Кубани ведетъ частью лѣсомъ, частью степью.

Кубань идетъ изъ земли Черкесовъ, течетъ съ востока на западъ и является, около Кизиль-таша, раздѣленной на два рукава, изъ коихъ одинъ изливается въ Черное море, а другой въ Азовское. Страна, заключенная между обоими рукавами, имѣетъ видъ возвышеннаго острова. Тамъ, если не ошибаюсь, лежитъ, крѣпость Аджу (Ачуевъ), построенная недавно для замѣненія Азова и ограниченная съ двухъ сторонъ приведенными рукавами Кубани, а съ двухъ другихъ — моремъ. На томъ-же рѣчномъ островѣ лежатъ Темрюкъ, Тамань, Кизиль-ташъ и Карашка, которые всѣ зависятъ отъ Каффы.

Азовъ (Азакъ), о которомъ также скажемъ по причинѣ его сосѣдства съ Крымомъ, лежитъ, подъ 73 гр. д. и $49\frac{1}{2}$ ш. при восточномъ берегу Дона, на плоской возвышенности, окруженный кустарниками. Онъ состоитъ изъ трехъ различныхъ цитаделей, имѣющихъ каждая, на подобіе стараго сарая въ Константинополѣ, свои ворота, по средствомъ коихъ они соединены между собою. Съ сухопутной стороны всѣ они защищены рвомъ. Всѣ три вмѣстѣ имѣютъ 9 башней. Стѣны просто сложены изъ черной земли. Цитадели называются: Ташъ-кале; здѣсь жилище аги янычаръ и мечеть, выстроенная при султанѣ Баязитѣ; Орта-кале, гдѣ резиденція бега Азовскаго и Топракъ-кале. Азовъ, прекрасная и сильная крѣпость, тѣмъ не менѣе былъ уступленъ Русскимъ въ 1149 (1736) году (13).

Черкасскъ (Черкесъ-керманъ) островъ въ Дону, въ 7 часахъ отъ Азова, съ землянымъ фортомъ и русскимъ гарнизономъ 1,000 человѣкъ.

Донъ (Тонъ) значительная рѣка, течетъ съ С. къ Ю. чрезъ землю козаковъ, мимо Азова въ Азовское море. Вдоль по теченію его козаки имѣютъ 36 шанцевъ, и плаваютъ на немъ изъ Черкасска на чайкахъ.

За послѣднимъ мѣстомъ, т. е. между нимъ и Азовомъ, въ мѣстности именуемой Бешъ-тепе (пять холмовъ) рѣка дѣлится на два рукава, изъ коихъ большій, обращающійся къ С. называется верхнимъ (Улу-тонъ). Этотъ въ свою очередь дѣлится также на

два рукава. изъ коихъ одинъ мимо Азова изливается въ море и потому называется Азакъ-су. Средній рукавъ называется Канлидша. Оба однимъ и тѣмъ-же устьемъ впадаютъ въ море, куда симъ путемъ добираются русскіе лодки. Въ прежнія времена можно было имъ преградить этотъ путь посредствомъ крѣпосцы, устроенной на сваяхъ на мели верхняго Дона, которая находится на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, дѣлившись, образуетъ второй рукавъ, именуемый «Канлидша» (Каланча). Но въ послѣдствіи эта каланча была оставлена, потому что гарнизону не платили слѣдуемаго ему жалованья; наконецъ она была разрушена невѣрными.

Сказанная Азовская рѣка течетъ, какъ было замѣчено, мимо соименной ей крѣпости и изливается въ тридцати миляхъ отъ ней въ море. По берегамъ она мелководна, а потому фарватеръ означается вдѣланными въ нее сваями на протяженіи 18 миль вверхъ отъ устья. Тамъ, гдѣ эти сваи оканчиваются, товары выгружаются изъ приходящихъ кораблей и доставляются въ Азовъ на баркахъ. На этомъ водяномъ пути корабли иногда добираются вдоль по Черкесскому берегу до Ак-Куюларъ. При сѣверномъ вѣтрѣ море удаляется вслѣдствіе отлива; при южномъ, вслѣдствіе сильнаго прилива далеко вторгается вверхъ по рѣкѣ, такъ что вода до самаго Азова становится соленоватою. Зимою все это пространство замерзаетъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ переѣзжаютъ чрезъ него повозками и караванами.

Нравы и обычаи Крымскихъ татаръ.

Татары эти средняго роста, широкоплечисты, имѣютъ толстую и короткую шею, большую голову и маленькія черныя глаза, въ коихъ жилы съ кровью ясно замѣчаются, тупой носъ и черные волоса. Они легко переносятъ стужу и зной и купаютъ дѣтей въ соленой водѣ, чтобы ихъ пріучить къ переношенію холода. Уже съ 12 лѣтняго возраста дѣти начинаютъ упражняться въ военномъ ремеслѣ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ двойнаго короткаго платья изъ мѣха лисичьяго и колпака изъ хвоста того-же

животнаго и называемаго букъ. Нѣкоторыя носятъ также бараньія шубы мѣховой стороной наружу, что сообщаетъ имъ страшный видъ, въ особенности на лошади. Оружіями у нихъ служатъ дюжина стрѣлъ съ лукомъ, сабля и ножъ. Въ мѣшкѣ они возятъ съ собою ремень, чтобы связать плѣнныхъ и крищало. Ихъ мурзы надѣваютъ желѣзные шлемы и такія же перчатки. Нѣкоторые вооружены также пиками, сдѣланными изъ вѣтвей древесныхъ съ желѣзнымъ остріемъ. Эти Татары чрезвычайно поворотливы. Каждый изъ нихъ ведетъ съ собою, смотря по средствамъ своимъ, 4 — 5 лошадей; если одна изъ нихъ уставала, то садится на другую. Лошади такимъ образомъ выучены, что всѣ прочія слѣдуютъ, если одна изъ нихъ трогается съ мѣста, или-же останавливаются, если она останавливается. При томъ онѣ сильны и живы, хотя таковыми не кажутся, и бѣгаютъ такъ, что никто не можетъ ихъ догнать. Любимѣйшее кушанье Татаръ — конина, они также охотно ѣдятъ варенную кашу изъ муки и лошадиной крови. Въ походѣ они имѣютъ обыкновеніе приготовить мясо для кушанья, кладя его подъ чапракъ лошади, на которой ѣздятъ; когда это мясо становится такъ мягко, что изъ него начинаетъ истекать кровь, тогда его съѣдаютъ. Зажиточные Татары вмѣсто воды пьютъ лошадиное молоко, которое дѣлаютъ кислымъ въ теченіе двухъ дней примѣсью фермента. Напитокъ этотъ называется кумысъ. Они также охотники до «бузе» (родъ пива), безъ котораго именно не могутъ обойтись на свадьбахъ и празднествахъ. Изъ хлѣбныхъ растеній сѣятъ въ Крыму рожь и ячмень; сарацынское пшено также поспѣваетъ, и все это добывается въ большомъ количествѣ. Всѣ почти Крымскіе Татары суть ганефиты (правовѣрные магометане). Они оказываютъ большое почтеніе своимъ улемамъ и благочестивымъ мужамъ. Они имѣютъ особенное сословіе духовенства, отдѣленное отъ оттоманскаго, и особенныя учебныя заведенія (медресе). Софты (готовящіеся поступить въ званіе улемовъ) часто похищаютъ мальчиковъ у ихъ родителей, съ тѣмъ, чтобы ихъ обучать и приготовить въ законовѣды. Никто, въ подобныхъ случаяхъ, не требуетъ обратно своего сына. Новорожденныя дѣти безъ различія отдаются на попеченіе кормильцу (аталигъ), у котораго остаются до седьмаго или восьмаго года

отъ роду. Женщины у сего народа не закрываютъ лице вуалемъ. Въ праздникъ байрама молодымъ людямъ дозволяется цѣловать любую женщину и съ ней веселиться сколько угодно. Этотъ обычай называется у нихъ «коллашмакъ». Тотъ, кто хочетъ жениться на дѣвицѣ, въ правѣ съ ней предварительно спать. Если-же она забеременеетъ, то уже не обязанъ на ней жениться. Друзьямъ, въ особенности чтимымъ, предоставляется наслаждаться невольницей, или-же, если такой въ домѣ нѣтъ, дочерью и даже женою хозяина. Если по призыву къ войнѣ Портою, самъ ханъ выступаетъ въ походъ, то не иначе, какъ съ 80,000 войскомъ Татаръ. Если же походъ совершается подъ начальствомъ калги, нурредина или-же сына хана, то контингентъ, который за нимъ слѣдуетъ, составляетъ только 40,000 человѣкъ. Въ лагерѣ дѣлаютъ музыку на литаврахъ и поднимаются съ него только послѣ начальника. Походы-же большею частью предпринимаются зимою, когда замерзшія воды способствуютъ переходу, между тѣмъ какъ невѣрные Русскіе и Поляки, въ это время года, не такъ удобно могутъ оборонятться. Лошади Татаръ не имѣютъ подковъ. Татары медленно выступаютъ въ походъ, соблюдаютъ строго дисциплину и даже обыкновенную молитву пять разъ въ день. Когда-же возвращаются съ похода, то переходятъ, не останавливаясь, пять станцій вмѣсто одной и забываютъ призывъ къ молитвѣ (езанъ) и самую молитву. Съ быстротою облаковъ они тогда спѣшатъ вдоль по рѣчнымъ долинамъ, не разводя огня и не останавливаясь нигдѣ болѣе четверти часа. При первомъ знакѣ рожкомъ они снова стремятся далѣе на подобіе потоковъ. Во время грабежей или ночныхъ нападеній мурзы ихъ собираются на мѣстѣ, опредѣленномъ для сбора добычи. Тутъ они, если не грозитъ опасность со стороны непріятеля, отдыхаютъ трое сутокъ. На возвратномъ пути они маршируютъ тремя отдѣленіями. Первое везетъ съ собою добычу; за ней слѣдуютъ оба другія. При продажѣ невольниковъ они поступаютъ безчеловѣчнымъ образомъ и не знаютъ милосердія; отрываютъ дочь отъ матери, сына отъ отца и продаютъ ихъ отдѣльно. У Татаръ бываютъ особые кади, ханъ-же имѣетъ особаго «кадіаскера» (оберъ-аудиторъ). Всякій имѣетъ доступъ свободный къ хану и лично ему представляетъ свою жалобу. Мурзы

и начальники у нихъ не могутъ быть разжалованы, ибо должности ихъ наслѣдственны. Сыновья ханскіе отправляются на воспитаніе въ землю Черкесовъ, откуда возвращаются домой только юношами. Сыновья умершихъ или низложенныхъ хановъ передаются подъ покровительство Порты, которая назначаетъ имъ жительство въ Ямболи или въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко имъ счастіе такъ благопріятствуетъ, что они дѣлаются ханами вмѣсто отцевъ своихъ. Дочери хановъ также воспитываются внѣ дома родительскаго и, по достиженіи приличнаго возраста, выдаются замужъ за мурзовъ (11).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) По Мюнпху (р. 120) крѣпость сія была построена при Магометѣ IV во время двадцати-лѣтняго перемирія, заключеннаго съ Россіею вслѣдствіе Чигиринской битвы.

(2) Авторъ здѣсь вѣроятно имѣлъ въ виду крѣпости, построенные, по дьяку Зотову (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. II, 645) послѣ Чигиринской битвы, на Днѣпровскомъ островѣ «городки» Туганъ (ястребъ) и Хонбурунъ (счастливый) или же Тавань и Осланъ, какъ эти городки названы княземъ Мышецкимъ (Ист. о Казак. Запор. Од. 1852, р. 12). Первый изъ нихъ, т. е. Тавань или Туганъ, до нынѣ отчасти сохранившійся, находился насупротивъ «стараго» городка Казикермана, т. е. нынѣшняго Берислава; городокъ-же Осланъ или Хонбурунъ, построенный на томъ-же островѣ, нынѣ раздѣленномъ на два островка непостоянствомъ теченія Днѣпра, находится противъ «стараго» города Шанъкермана, по Зотову, или Шингерея, по Мышецкому, т. е. противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, гдѣ лучше всего можно справиться о томъ, не сохранились ли слѣды укрѣпленій на островкѣ близъ мѣстечка лежащемъ.

(3) Авторъ говоритъ о взятіи Очакова Русскими въ 1737 году. Подробности объ этомъ подвигѣ изложены, между прочимъ, въ Запискахъ Манштейна, изъ коихъ явствуетъ, что уже тогда городъ былъ хорошо укрѣпленъ. Таковымъ его тоже застали еще прежде спутники Карла XII, посѣтившіе его въ бѣгствѣ своемъ съ береговъ Буга къ Днѣстру. По Мюнпху (р. 120) укрѣпленія Очакова построены были при Магомедѣ IV; кажется однако, что онъ ихъ развѣ только возстановилъ, поелику еше прежде наши и иностранные писатели упоминаютъ объ укрѣпленіяхъ Очакова, напр. Броніовій, который его смѣшиваетъ съ Ольвіею и Михаилъ Литвинъ, по которому онъ также назывался Dassowa, т. е. Дашковъ, какъ онъ названъ въ договорѣ, заключенномъ въ Луцкѣ, въ 1431 году, между Владиславомъ II и Свитригайлою (Danylowicz, Skarb. Dipl. I, 123); или же Дашовъ, какъ его имя пишется въ спискѣ замковъ, уступленныхъ ханомъ Крымскимъ Сигизмунду I, въ 913 г. по смерти Магомета (Сборникъ князя Оболенскаго, № I, 88).

На компасовыхъ картахъ XIV и XV столѣтій представляет-

ся намъ около мѣстности Очакова приписка p. de bo, de bovo, de lovo, вѣроятно вмѣсто p. de luco, какъ считается на картѣ 1367 года, т. е. вмѣсто p. de l'Oso или Ousou, или Днѣпра, который подъ этимъ именемъ уже былъ извѣстенъ Абулъ-Федѣ.

Въ древности, въ той же самой мѣстности находилась, какъ думаютъ, крѣпостца Алектора, упомянутая впрочемъ однимъ только Діономъ Хрисостомомъ.

(4) По Мюниху (l. c. 184) таково было какъ разъ протяженіе не перешейка, но выкопаннаго на немъ рва, образовавшаго двѣ стороны угла, изъ коихъ одна, направленная къ Азовскому морю, имѣла 7 верстъ, а другая 3.

За тѣмъ авторъ дневника сообщаетъ намъ еще слѣдующія подробности объ этой мѣстности:

«Въ углѣ, гдѣ сходятся обѣ стороны «линіи», стоятъ врата, составляющія единственный входъ острова. Онѣ построены изъ камня и снабжены пушками. Возлѣ нихъ стоитъ крѣпость Оръкапи, а къ востоку, на длинной сторонѣ, пять башень; на короткой же сторонѣ, къ западу, двѣ башни изъ камня, снабженныя пушками... Линія состоитъ изъ сухаго рва, выкопаннаго перпендикулярно на глубину отъ 12 — 15 сажень: земля, выброшенная изъ него на обѣ стороны, возвысила почву надъ естественнымъ ея уровнемъ. Впрочемъ ровъ этотъ не такъ глубокъ, чтобы вода, съ обѣихъ сторонъ, могла въ него втекать и его наполнить, и должно думать, что онъ не былъ выкопанъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать островъ совершенно отъ твердой земли: вѣроятно опасались также наводнить островъ, такъ какъ онъ болѣе и болѣе понижается къ югу. Нѣкоторые географы, воображая, что этотъ перешеекъ ўже и длиннѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, полагали, что почва его песчаная, а по сему самому удивлялись, почему съ давнихъ поръ не послѣдовало сліяніе обоихъ морей. Но такъ какъ почва глиниста и слѣдовательно, по природѣ своей, противустоитъ водѣ, то волны обоихъ морей все болѣе и болѣе выбрасываютъ песокъ, камышъ, илъ, раковинки и т. п., и тѣмъ не только возвышаютъ почву, но еще дѣлаютъ перешеекъ все болѣе широкимъ противъ прежняго, какъ это можно усмотрѣть изъ различныхъ наносовъ. Кажется также, что вода обоихъ морей никогда до такой степени не поднимается вѣтрами, чтобы волны могли далеко покрыть перешеекъ, тѣмъ болѣе, что когда при сильномъ вѣтрѣ дующемъ съ С. З. С., вода изъ залива Чернаго моря стрѣмится въ перешеекъ, тогда же оттуда удаляется вода Гнилаго моря, и что противное явленіе совершается при С. С. В. С. вѣтрѣ. Поелику-же оба никогда не поднимаются въ одно и то-же время, то и не могутъ сливаться, что однако случилось-бы,

если посредствомъ труда и искуства, превышающаго способности Турокъ и Татаръ, Перекопскій ровъ былъ-бы взрытъ до такой глубины, что основаніе его становилось бы параллельнымъ съ основаніемъ обоихъ заливовъ, что, какъ говорятъ, пытались уже сдѣлать древніе Скиѳы, обитавшіе въ этихъ мѣстахъ до и послѣ Рожд. Хр.

Крѣпость Оръ-капи продолговатый четыреугольникъ, коего стѣны съ четырьмя узкими двойными бастіонами построены изъ плиты. По древне-итальянской архитектурѣ, нѣкоторымъ башнямъ и находившимся въ нихъ замкамъ, должно думать, что крѣпость эта была построена Генуэзцами, владѣвшими Крымскимъ полуостровомъ, даннымъ имъ греческими императорами. Въ ней однѣ только ворота на южной сторонѣ, направленной къ острову, и 600 небольшихъ жалкихъ домовъ, которыми улицы до такой степени съуживаются, что на нихъ едва можно проѣзжать повозкою. Подобно всѣмъ крѣпостямъ Крымскимъ она имѣла гарнизонъ не татарскій, но турецкій, и находились въ ней, и въ башняхъ линіи, при прибытіи войска, болѣе 4.000 янычарь и спаги, тогда какъ вся татарская орда стояла за линіею».

(5) Авторъ здѣсь говоритъ о взятіи Перекопа, 21 мая 1736 г., по капитуляціи, заключенной на канунѣ коммендантомъ Ибрагимъ-ага съ фельдмаршаломъ Мюнихомъ. «Замѣчательно при семъ — сказано въ дневникѣ, — что онъ пять недѣль прежде письменно донесъ Ея Величеству Императрицѣ, что надѣется сообщить ей радостное извѣстіе изъ Перекопа 20 мая и что онъ дѣйствительно вечеромъ того дня отправилъ своего генералъ-адъютанта Фермора въ С.-Петербургъ по сему случаю.

Это было дѣло (coup) чрезвычайно важное и надѣлавшее тѣмъ болѣе шуму (éclat), что со временъ владычества Татаръ надъ Крымомъ фельдмаршалъ Мюнихъ первый ввелъ туда непріятельское войско и тѣмъ привелъ въ трепетъ Порту, поелику въ нѣсколько дней можно было пробраться моремъ въ Константинополь, почему и русскій резидентъ Вишняковъ доносилъ, что всѣ разбѣжались-бы изъ Константинополя, еслибы хоть одинъ русскій корабль могъ явиться въ каналѣ.

Еще значительнѣе былъ страхъ въ самомъ Крыму. Кто только имѣлъ что-нибудь, собралъ то, что могъ взять съ собою и бѣжалъ къ гавани; прочіе же гнали женъ, дѣтей и рабовъ своихъ въ горы. Ханъ самъ отослалъ женъ и дѣтей съ сокровищами своими въ Балаклаву, гдѣ былъ снаряженъ корабль, на которомъ, въ крайнемъ случаѣ, могъ спастись».

(6) Взятіе и разрушеніе Бахчисарая послѣдовало не въ 1737 году, но 17 іюня предъидущаго года.

«Бакчисарай», говорится въ приведенномъ дневникѣ (I. c. 220) — тянется, въ видѣ длинной улицы, съ З. къ В. между скалами и утесами, въ глубокой низменности, такъ что городъ вовсе не замѣчается, пока не дойдешъ до вышеупомянутаго (219) ущелья, пробитаго въ скалѣ. Городъ состоитъ изъ 3,000, порядочно выстроенныхъ, каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ и дворецъ ханскій, о которомъ можно сказать, что онъ безъ сомнѣнія уступаетъ немногимъ только, если не великолѣпіемъ, то изящнымъ видомъ (propreté) своимъ, какъ можно усмотрѣть изъ приложеннаго описанія, составленнаго капитаномъ Манштейномъ, по порученію фельдмаршала Миниха».

Въ XVIII томѣ журнала: Neue Europaeische Fama (458 — 461) помѣщенъ, въ нѣмецкомъ переводѣ, отрывокъ сего приложенія; въ неизвѣстности былъ-ли этотъ отрывокъ когда-либо изданъ также на русскомъ языкѣ, я рѣшаюсь представить здѣсь переводъ *всего* французскаго оригинала:

«Городъ Бакчисарай, резиденція хана, лежитъ въ глубокой, весьма узкой долинѣ среди скалъ. Верхняя часть города раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ первая была населена христіанами различнаго происхожденія и вѣроисповѣданія, въ особенности-же Армянами и Греками, которые тамъ имѣли даже церковь; но она была разрушена Татарами, когда мы приближались.

Другая, большая часть города, населена Татарами. Здѣсь-же находится ханскій дворецъ.

Въѣзжаютъ въ городъ одними только крутыми, изсѣченными въ скалѣ дорогами, за исключеніемъ западной стороны, гдѣ, въ большой долинѣ, находится предмѣстье, чрезъ которое мы шли къ Бакчисараю.

Прежде чѣмъ войти въ большой дворъ ханскаго дворца, пришлось намъ перейти чрезъ каменный мостъ, наведенный надъ довольно глубокимъ ручьемъ, который протекаетъ мимо дворца.

Дворъ этотъ довольно великъ и окруженъ былъ разными зданіями, которыя, сколько я могъ еще узнать, были выстроены и расположены слѣдующимъ образомъ:

За большими воротами стоялъ на правой сторонѣ старый дворецъ, въ которомъ ханы нѣкогда обитали; за большими стѣнами слѣдовала въ этомъ дворцѣ большая зала съ бассейномъ въ срединѣ. Оттуда лѣстница вела въ бель-этажъ, гдѣ также представлялась зала. Полъ въ ней былъ покрытъ весьма опрятными циновками, а потолокъ выдѣланъ мозаикомъ золотымъ и голубымъ. Правая сторона этой залы оканчивалась альковомъ съ эстрадою на ступень высоты; на противной сторонѣ была открытая галлерея въ сажень ширины и четырьмя футами выше пар-

кета залы. Вмѣсто обоевъ стѣны были покрыты разноцвѣтнымъ фарфоромъ. Изъ оконъ, составлявшихъ два ряда, верхнія имѣли большія разноцвѣтныя стекла. Нижнія окны были велики, но вмѣсто стеколъ имѣли ставни, въ видѣ рѣшетокъ, изъ пампасоваго лѣса, что сообщало залѣ холодный видъ. Возлѣ ней была большая комната, подобнымъ образомъ убранная. Изъ оконъ видна была нижняя зала, а съ другой стороны слѣдовали разныя комнаты совершенно пустыя.

Внѣшняя сторона дворца была окрашена красными полосами на угловыхъ камняхъ, стоявшихъ одни отъ другихъ на полъ фута, что представляло весьма пріятный видъ.

На этомъ-же дворѣ былъ другой домъ съ большими лѣстницами, гдѣ въ родѣ сѣней была устроена балюстрада съ столбами для поддержки крыши, которая сунулась впередъ на 5 или 6 футовъ, по китайскому маноеру, для защиты противъ лучей солнца. Весь этотъ домъ также былъ раскрашенъ въ видѣ мозаика.

Изъ этого дома калитка вела на другой дворъ, гдѣ лѣвая стѣна была весьма хорошо раскрашена въ видѣ бѣлаго мрамора, съ правой-же стороны представлялись садъ и новый ханскій дворецъ, къ которому вели большія лѣстницы, и первый предметъ, пріятно тамъ поражавшій зрителя, былъ бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, съ павильономъ съ четырьмя подобными ему меньшими въ срединѣ, и который чрезъ разныя краны извергалъ воду въ бассейнъ.

Полъ былъ также покрытъ весьма чистыми циновками, а потолокъ раскрашенъ мозаикомъ краснымъ и золотымъ. Средняя часть залы была подъ сводомъ, также весьма хорошо обдѣланномъ. Кругомъ залы были скамьи на вышину фута отъ пола, при ширинѣ четырехъ футъ. Ковры, которыми эти скамьи покрывались, были съ нихъ сняты до нашего прибытія. На правой сторонѣ этого дворца были разныя весьма чистыя покои, полъ и потолокъ были украшены на подобіе залы, и окны были съ рѣшетками, подобно вышеупомянутымъ окнамъ большой залы стараго дворца. Съ лѣвой стороны была одна только довольно большая комната съ каминомъ. Окна, обращенныя къ саду, были съ стеклами. Кругомъ сего дворца была устроена крытая галлерея съ поддерживаемою столбами крышею. Ниже сего дворца, вдоль стѣны, были многія фонтаны, изливающіе воду въ столько-же мраморныхъ бассейновъ.

Между обоими дворцами были еще разныя постройки, въ числѣ коихъ, самая замѣчательная, былъ находившійся близъ новаго дворца сераль. Въ немъ, въ числѣ другихъ комнатъ, была и женская купальня; въ нее вели большія сѣни, въ срединѣ которыхъ

былъ большой мраморный бассейнъ въ два съ половиной фута глубины и въ полторы сажени въ діаметрѣ: фонтанъ снабжалъ эту ванну водою, которая оттуда уже текла въ купальню, вокругъ которой были фонтаны, мраморныя ванны и нѣсколько отдѣльныхъ кабинетовъ, каждый съ фонтаномъ и бассейномъ изъ бѣлаго мрамора подъ нимъ. Потовая баня грѣлась снизу, такъ что можно было давать ей желаемую степень жара и желаемое количество воды. Купальни эти всѣ подъ сводами, и освѣщаются сверху посредствомъ оконъ, вдѣланныхъ на сводѣ въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго.

Не далеко отъ перваго дворца хана была другая купальня, также украшенная мраморомъ; но она была только устроена для одной особы.

Всѣ эти различныя зданія были окружены садами и фонтанами съ свѣжею и свѣтлою водою, приводимой съ сосѣдственныхъ горъ.

Вдоль по лѣвой сторонѣ большаго дворца были комнаты, изъ коихъ половина была назначаема для рабовъ ханскихъ, и среди этихъ различныхъ зданій былъ небольшой дворъ, заключавшій въ себѣ двѣ мечети со сводами, крытыя свинцомъ и заключавшія въ себѣ гробницы хановъ. За дворомъ этимъ находится главный входъ (portail) ведущій, къ лежащей на южной покатости горы, рощицѣ.

Противъ этого входа у подошвы горы — разныя жилья, за которыми находилась бесѣдка со многими кабинетами съ рѣшетками весьма изящными и хорошо выдѣланными изъ пампасоваго дерева. Въ пятидесяти шагахъ отъ этой бесѣдки былъ каменный домъ, заключавшій въ себѣ резервуаръ воды, т. е. каменный бассейнъ въ четырехъ или пяти саженяхъ въ квадратѣ, въ который были проведены воды съ горъ. Этотъ бассейнъ былъ съ крышею, дабы солнечный зной не могъ туда проникнуть, и имѣлъ одно только окно. Со стороны дворца была еще комната, въ которую проведены были изъ бассейна пять большихъ крановъ, имѣя каждый по дюйму въ діаметрѣ и связанныя съ столькими же подземными трубами, чрезъ которыя вода распредѣлялась по всему дворцу.

Большая купальня хана находилась возлѣ стараго дворца и входъ въ нее былъ именно подъ жильемъ на правой рукѣ. За входомъ слѣдовала большая зала, съ скамьями кругомъ, изъ бѣлаго мрамора. Оттуда входили въ потовыя бани, также съ мраморнымъ паркетомъ, и разными кабинетами на сводахъ. Вода туда вливалась чрезъ краны и падала въ мраморныя бассейны. Бани эти топились снизу подобно новымъ, вышеприведеннымъ.

Противъ втораго стараго дворца большаго двора находились ханскія конюшни. Зданіе это было мурованное и имѣло пятьнадцать саж. длины при пяти ширины.

Полъ не былъ вымощенъ, но мѣсто каждой лошади было покато. Ясли, подобно столбамъ между лошадьми, были каменныя.

Городскіе дома, числомъ около двухъ или трехъ тысячъ были довольно хорошо построены и всѣ почти мурованы. Изъ нихъ, примѣрно, четвертая часть была сожжена.

Въ Бакчисараѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ въ особенности жалѣть именно о томъ, что большая часть замѣчательной библіотеки, принадлежавшей тамошней іезуитской миссіи была или сожжена или же затоплена виномъ, такъ какъ іезуиты, которые при нашемъ приближеніи обратились въ бѣгство, предварительно спрятали часть книгъ и рукописей въ погребѣ, въ которомъ вошедшіе туда козаки, напившись пьяными, вылили вино.

(7) Городъ этотъ былъ взятъ русскимъ войскомъ 5 іюня 1736 года безъ всякаго сопротивленія. Сказавъ, по недоумѣнію, что въ немъ послѣдовало крещеніе Св. Владиміра, авторъ дневника продолжаетъ: — Городъ этотъ, названный Турками и Татарами Кёзлеве, имѣлъ болѣе 5000 каменныхъ домовъ, множество мечетей и церквей и лежитъ въ видѣ амфитеатра при отличномъ портѣ. Самое значительное и красивое зданіе въ городѣ была большая каменная мечеть, убранная внутри многими колоннами и пилястрами изъ бѣлаго мрамора и украшенная куполомъ, крытымъ свинцомъ. Она прежде была греческая церковь, построенная, судя по характеру архитектуры, во время Константина Великаго или вскорѣ спустя. Городъ былъ окруженъ съ сухопутной стороны высокою стѣною съ четыреугольными башнями и рвомъ, вырытымъ въ скалѣ; за городомъ-же были фруктовые сады и дачи..... О богатствѣ жителей, 500 лѣтъ невидавшихъ непріятеля, можно было судить по добычѣ, которая была такъ значительна, что войско не могло всего увести съ собою, а потому многое было сожжено или оставлено подъ развалинами домовъ».

(8) Къ чести автора должно думать, что ему лично не случалось побывать на южномъ берегу Тавриды, который, впрочемъ, своею красотою не поражалъ-бы въ такой степени какъ насъ, — человѣка, имѣвшаго возможность любоваться до сыта плѣнительными видами Воспора Ѳракійскаго.

Графъ Мюнихъ, который, во время своего перехода изъ Евпаторіи въ Бакчисарай, видѣлъ только сѣверный склонъ Крымскихъ горъ, отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ:

«На лѣвой сторонѣ къ юго-востоку пролегаетъ огромная цѣпь, которая, ради вида своего названа была Русскими Палатка-гора; она

такъ высоко подпимается надъ прочими горами, что ее можно видѣть почти на всемъ полуостровѣ. У подошвы ея начинается другая низшая цѣпь, простирающаяся до Каффы. На ней невольники, которые туда въ старину переводились въ большомъ числѣ изъ Венгріи, разводили много виноградниковъ, содержимыхъ теперь, такъ какъ большая часть сказанныхъ Венгровъ погибли въ 1704 году отъ чумы, — Греками и Армянами, поелику Турки и Татары, хотя и садятъ лозы и за ними смотрятъ, и также ѣдятъ свѣжій и сушеный виноградъ, тѣмъ не менѣе продаютъ сборъ его христіанамъ, которые и перевозятъ вино въ Украину, гдѣ его частью продаютъ за наличныя деньги, частью же меняютъ на масло, водку и другіе русскіе товары. Между обыкновенными четырмя сортами краснаго и бѣлаго Крымскаго вина, лучшій, собираемый при деревнѣ Судакъ и называемый Судакскимъ, по вкусу и по цвѣту подходитъ на хорошее Мейссенское вино».

(9) Vorgebirge der Strömung, т. е. Мысъ теченія, переводитъ г. Шлехта. Но это явно нынѣшній мысъ Акъ-Бурунъ или Бѣлый мысъ, который еще на Итальянскихъ картахъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ является подъ наименованіемъ asprom̃ili, имѣющимъ тоже самое значеніе. По этому кажется, что въ нашей турецкой рукописи мысъ этотъ ошибочно названъ Акинди бурну, вмѣсто Акбурунъ.

(10) Въ дневникѣ фельдмаршала Мюниха (p. 122) сказано, что эта крѣпость была построена въ 1706 году, а что предъ нею была тогда же построена «platte-forme» въ водѣ, до такой степени съуживавшая фарватеръ (по причинѣ камышеватаго противуположнаго берега), что въ немъ, въ надлежащей глубинѣ, было мѣсто для одного только корабля.

«Вся эта предосторожность» говорится далѣе «мало принесла-бы пользы, если императоръ Петръ I, при возобновленіи, въ 1711 году, войны съ Портою по случаю пребыванія короля Карла XII въ Бендерахъ и вслѣдствіе интригъ Крымскаго хана,— направилъ-бы свои силы къ Черному морю и не отправился бы чрезъ Днѣстръ къ Дунаю съ сорокатысячнымъ войскомъ безъ провіанта, въ надеждѣ, въ немъ возбужденной увѣреніями Молдавскаго господаря Кантемира, что тамъ найдетъ магазины и достаточное количество съѣстныхъ припасовъ.

Всѣмъ извѣстно, что этотъ столь дальновидный монархъ, такимъ образомъ впалъ въ ту-же ошибку, которая въ войнѣ съ нимъ-же оказалась, два года передъ тѣмъ, столь пагубною для Карла XII, и что онъ до такой степени былъ стѣсненъ Турками, что ему пришлось-бы или сдаться безусловно, или-же рисковать судьбу своего государства, если-бы алмазы и червонцы не дѣй-

ствовали такъ сильно на великаго визиря Балтаджи Магаммеда, что онъ согласился съ нимъ заключить миръ на условіяхъ, хотя и весьма выгодныхъ для Порты, но тѣмъ не менѣе не искоренившихъ зло на будущее время, такъ какъ три первые и главные его пункты состояли въ томъ, что Императоръ долженъ былъ возвратить Азовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ его засталъ при завоеваніи его; срыть Таганрогъ и крѣпости Каменный Затонъ и Самару и не тревожить козаковъ, состоявшихъ подъ Польшею и ханомъ татарскимъ. Онъ выполнилъ всѣ эти условія, хотя ему совѣтовали, оставить на произволъ судьбы аманатовъ Шафирова и Шереметьева. и хотя онъ въ особенности жалѣлъ о Таганрогѣ и Азовѣ, которыя между тѣмъ были мужественно обороняемы противъ Турецкаго флота старымъ великимъ адмираломъ Апраксинымъ, два раза загонявшимъ съ частью Таганрогскаго гарнизона высадившихся Турокъ на свои корабли, но и принужденнымъ, во исполненіе приказанія въ третій разъ повторяемаго Императоромъ, по возможности раззорить и оставить сказанныя крѣпости, что его огорчило до слезъ.

Нѣкоторые изъ находившихся въ гаваняхъ корабли были такъ велики, что ихъ нельзя было оттуда вывести вверхъ по Дону, а потому ихъ предлагали Туркамъ, которые однако не хотѣли ихъ купить, но оставили ихъ изгнить въ гавани. При этомъ случаѣ капитанъ русскаго корабля, Англичанинъ, по имени Симонъ, изъ упрямства не хотѣлъ никакъ снять такелажъ и оставить свой хорошо экипированный и не слишкомъ глубоко ходившій корабль, а потому, пользуясь тѣмъ, что поднялась вода и что началъ дуть благопріятный вѣтръ, отплылъ изъ гавани на всѣхъ парусахъ, а за тѣмъ мимо турецкаго флота, стоявшаго подъ Еникале, чрезъ Константинопольскій каналъ, обѣ Дарданеллы и Архипелагъ въ Средиземное море, и прибылъ, объѣхавъ такимъ образомъ всю Европу, въ первыхъ дняхъ четвертаго мѣсяца, по выѣздѣ своемъ, благополучно въ Кронштадтъ и С.-Петербургъ, при чемъ имѣлъ смѣлость и удовольствіе, въ виду Сераля съ корабля своего дать два залпа, тѣмъ привелъ въ трепетъ султана и весь Константинополь.

(11) Хотя турецкій авторъ ничего не говоритъ о крымскомъ городѣ Карасу-Базарѣ, тѣмъ не менѣе ясно, что послѣдній не имѣлъ-бы ничего общаго, кромѣ имени, съ Мангупомъ, если-бы дѣйствительно крѣпость эта называлась Карасу, что мы не въ правѣ отрицать потому только, что другіе авторы, намъ извѣстные, объ этомъ имени его не припоминаютъ. Впрочемъ въ географическомъ сочиненіи аѳинскаго митрополита Мелетія (†1714) говорится о подвластной крымскому хану *крѣпости* Карасуй,

подъ которой скорѣй могъ разумѣть Мангупъ, нежели Карасу-базаръ, такъ какъ онъ полагалъ, что крѣпость эта находилась на морскомъ берегу, куда современникъ его Витсенъ также помѣщаетъ Мангупъ (cf. Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, прим. 366 и 429). Недалеко отъ этой древней крѣпости беретъ свое начало рѣка Казыклей, нынѣ обыкновенно называемая *Черною*, что и заставляетъ думать, что она нѣкогда у Татаръ называлась Карасу и что имя сіе могло быть перенесено отъ ней къ Мангупу, подобно тому, какъ городъ Карасу-базаръ обязанъ своимъ названіемъ другой рѣкѣ того-же имени его орошающей. Также могло статься, что Греки въ старину подъ именемъ Μαύρον-κάστρον разумѣли скорѣй Мангупъ, чѣмъ Карасу-базаръ, какъ говоритъ Тунманъ (Büsching, Erdbeschr. изд. 1784, IV, 348), прибавляя, что еще въ началѣ XIV столѣтія францисканe имѣли монастырь въ Мавронъ-Кастронѣ.

(12) Не имѣя подъ рукою никакой подробной исторіи Тамерлана, не могу сказать, говорится ли въ нихъ о подобной хитрости его, напоминающей способъ, которымъ городъ Коростенъ былъ взятъ Ольгою. Достовѣрно то, что Тамерланъ, по разрушеніи Азова, обратился противъ Черкесовъ и что жилища сихъ послѣднихъ въ тѣ времена простирались до окрестностей Азова. По этому спрашивается, не была-ли крѣпость Гирсова или Хирсова, отстоявшая въ двухъ почтахъ отъ Азова, тождественна съ черкесскою крѣпостью Курлатъ, взятой Тамерланомъ послѣ долгой осады въ 1396 году, по свидѣтельству барона Гаммера. Къ сожалѣнію баронъ ничего не говоритъ о мѣстоположеніи этой крѣпости и тѣмъ лишаетъ насъ возможности опредѣлить степень вѣроятности ея тождества съ Гирсовою нашего автора.

(13) Овладѣвши предварительно т. н. Каланчами при устьѣ Дона и крѣпостью Лютикомъ на островѣ при Мертвомъ Донцѣ, графъ Минихъ приступилъ было къ осадѣ Азова 24 марта, но въ этотъ-же самый день передалъ начальство генералу Левашеву, въ необходимости возвратиться къ Днѣпровской арміи; но и Левашовъ въ свою очередь долженъ былъ вскорѣ сдать начальство фельдмаршалу Ласси, и въ этихъ перемѣнахъ заключалась, по мнѣнію графа Миниха, главная причина, по которой крѣпость была взята не ранѣе 1 іюля. «Ибо хотя», говоритъ онъ (р. 170) — «Левашевъ старый и опытный генералъ, который, въ особенности въ послѣднихъ годахъ, столь-же хорошо сражался въ Персіи, какъ умѣлъ тамъ наполнить деньгами свои сундуки, но онъ мало свѣдущъ по части инженерной, и, принимая во вниманіе небольшое число воиновъ, ему оставленныхъ фельдмаршаломъ, не подступилъ ближе къ городу и тѣмъ снова ободрилъ непріятеля.

Къ тому еще могло содѣйствовать, что Левашевъ, узнавъ, что не ему самому, но призванному обратно изъ Моравіи новому фельдмаршалу Ласси, предназначалась честь поднести императрицѣ ключи Азова, не слишкомъ былъ расположенъ подвергаться опасности въ пользу другаго».

«За тѣмъ» читаемъ въ другомъ мѣстѣ (222) «фельдмаршалъ Ласси, какъ извѣстно, не инженеръ, а по сему самому болѣе способенъ командовать войскомъ въ полѣ, нежели вести осаду. Питая, по сей именно причинѣ, чрезмѣрную довѣренность въ искуство своего генералъ-квартирмейстера де-Бриньи, младшаго изъ состоявшихъ въ русской службѣ двухъ братьевъ, который тѣмъ болѣе ожидалъ для себѣ со временемъ чести отъ этой осады, если-бы она была ведена по собственнымъ его понятіямъ и изобрѣтеніямъ—Ласси согласился отмѣнить планъ, хотя онъ формально былъ составленъ имъ и графомъ Мюнихомъ во время вышеупомянутаго ихъ свиданія въ Чарицынкѣ (171) и даже одобренъ С.-Петербургскимъ дворомъ. Хотя подобнаго рода измѣненія легко могутъ быть извиняемы всегда обстоятельствами, которыя на дѣлѣ являются часто не такими, какими они могли показаться, тѣмъ не менѣе оставалось не мало указаній, что въ приведенномъ планѣ заключался лучшій и ближайшій путь. Правда, что большое замедленіе произошло и отъ того, что многіе пушки полевой артиллеріи въ дѣлѣ лопнули, и что поэтому осада не могла быть двинута впередъ съ одинаковою силою. Это обстоятельство подало поводъ къ особой перепискѣ между графомъ Остерманомъ и фельдмаршаломъ Мюнихомъ. Первый, увѣдомленный Лассіемъ объ этой непріятности (fatalität), не замедлилъ поставить ее въ вину графу Мюниху по той причинѣ, что онъ былъ генералъ фельдцейгмейстеромъ въ то время, когда новыя пушки были литы, и слѣдовательно долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы работа эта производилась лучше. Но графъ Остерманъ забылъ, что дѣло касалось тѣхъ именно пушекъ, которыя для этой войны были доставлены адмиралтействомъ въ С.-Петербургѣ. Поелику-же оно составляетъ особенное вѣдомство и имѣетъ главный надзоръ надъ работами тамъ производящимися, то графу Мюниху представлялась пріятная возможность (satisfaction), обратить на него обвиненіе въ нерадѣніи и худомъ надзорѣ».

Для фельдмаршала Мюниха медленность осады Азова была тѣмъ непріятнѣе, что заставила его отказаться отъ своего плана предпринять второй походъ въ Крымъ изъ Перекопа, куда онъ принужденъ былъ на время возвратиться изъ Бакчисарая по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и въ лошадяхъ. Прибывшій туда 6-го іюля, онъ тамъ остался до 26, въ надеждѣ, не удастся

ли ему все еще предпринять предположенную вторую экспедицію. «Дѣйствительно», говоритъ онъ (227) «прибыли къ нему для подкрѣпленія полковникъ фонъ-Ведель съ 5 драгунскими полками и генералъ Аракіевъ съ 2 полками пѣхоты, но прочія препятствія уже оказались непреодолимыми. Хотя и не видать было болѣе непріятельскаго войска, но за то Татары продолжали постоянно скитаться около арміи и вредить ей частными нападеніями. Замѣтили именно, что около Молочныхъ водъ, въ направленіи къ Азову, они перебирались тайными бродами черезъ Гнилое море. По этому генералъ-фельдмаршалъ отрядилъ въ ту сторону для рекогносцировки генерала Шпигеля съ 5 полками и 2000 козаками.

Подобно тому какъ карты сего края оказались вообще весьма ошибочными, такъ и обнаружилось, что приведенный проходъ отстоялъ отъ Перекопа въ большемъ разстояніи, чѣмъ графъ Мюнихъ воображалъ.

Когда онъ по этому не получалъ извѣстій отъ сказаннаго отряда въ предположенномъ имъ времени, а дѣла между тѣмъ приняли такой оборотъ, что онъ далѣе не могъ оставаться въ Перекопѣ, то онъ, по неволѣ, долженъ былъ оставить этотъ отрядъ на произволъ судьбы.

Одно только, что онъ еще могъ сдѣлать въ его пользу, было, что онъ отправилъ къ нему полковника Штокмана съ нѣсколькими сотнями человѣкъ, которые дѣйствительно успѣли перебраться до генерала Шпигеля.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Татары, если-бы только поняли въ чемъ дѣло и имѣли болѣе мужества, могли-бы окружить и уничтожить этотъ корпусъ. Они хотя и показались нѣсколько разъ, но генералъ Шпигель такъ хорошо распоряжался, что успѣлъ пробраться стороною чрезъ степь и чрезъ Бахмутъ снова прибылъ къ главной арміи. Экспедиція эта принесла при томъ ту пользу, что при ней открытъ былъ извѣстный однимъ Татарамъ бродъ чрезъ Гнилое море, чрезъ которое русское войско подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Ласси въ слѣдующемъ походѣ пришло въ Крымъ».

Ясно, что здѣсь говорится о проливѣ Геническомъ, соединяющемъ Азовское море съ Сивашемъ, и что г. Спасскій (Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др. II, 275) ошибается, когда говоритъ, что чрезъ него Русскими были совершены два похода *подъ предводительствомъ генерала графа Ласси въ 1737 и 1738 годахъ*, вмѣсто того, чтобы сказать, что эти походы состоялись въ 1736 и 1737 годахъ, и что первый изъ нихъ «съ Арабатской стрѣлки» былъ предпринятъ не Лассіемъ, но независимымъ отъ него генераломъ Шпигелемъ.

(14) Къ этимъ подробностямъ прибавимъ здѣсь то, что намъ о «Крымскихъ дѣлахъ» передаетъ графъ Мюнихъ со словъ французскаго консула Адама Эворки, уроженца венгерскаго и польскаго дворянина Андрея Буковскаго, которые прибѣгли подъ его покровительство по взятіи Бакчисарая:

«Консулъ донесъ, что онъ когда-то былъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Когда-же его начальникъ князь Рагоци скончался въ 1735 году въ Константинополѣ, исправляющій тамъ должность Французскаго посланника, г. де-Невиль, назначивъ его консуломъ у татарскаго хана, отправилъ въ Крымъ на мѣсто прежняго тамошняго консула, капитана Тота, призваннаго обратно во Францію. Ему въ особенности было поручено пещись за французскихъ католическихъ миссіонеровъ и вообще о послѣдователяхъ католической вѣры и прочихъ христіанахъ обитавшихъ въ Крыму, заботясь о томъ, чтобы ихъ не угнетали и не помѣшали имъ отправлять свою вѣру. По его словамъ онъ былъ въ Перекопѣ еще на канунѣ подступленія русскаго войска, а за тѣмъ отправился въ Бакчисарай. Когда же по переходѣ (Русскихъ) чрезъ линію, ханъ, который съ войскомъ своимъ поспѣшилъ къ рѣкѣ Альмѣ, его призвалъ туда-же, онъ тѣмъ легче могъ извиниться, что ногайскіе Татары взяли у него экипажъ и лошади и что притомъ у него недоставало провіанта. Вмѣстѣ съ г. Буковскимъ онъ, напротивъ того, отправился къ христіанамъ, которые съ семействами убрались въ горы въ окрестностяхъ Бакчисарая. Когда ханъ (говорилъ онъ) выступилъ на встрѣчу русскимъ внѣ линіи, то у него было не только 200,000 человѣкъ войска, но его всячески подстрѣкали къ войнѣ и вышеприведенными подарками (шуба соболья и турбанъ богато украшенный алмазами ср. р. 186). Хотя послѣ отступленія отъ Перекопа собранъ былъ большой военный совѣтъ. но на немъ ничего или весьма мало было рѣшено, поелику всѣ согласились, что Русскіе уже не были такіе, какъ прежде, когда сотня изъ нихъ бѣжала предъ однимъ Татариномъ. Ханъ по имени Каплапъ-Герай, имѣя отроду 64 года, былъ, по словамъ консула, парализированъ въ рукахъ и ногахъ и уже два раза лишился мѣста, будучи постоянно несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Знатные-же Татары раздѣлялись на четыре класса; а именно:

1) Султаны, принадлежавшіе къ ханскому семейству и занимавшіе высшіе должности.

2) Шеремъ-беи, князья.

3) Шеремъ-мурзы и

4) Мурзы, тѣ и другіе, просто дворяне.

Изъ числа султановъ первымъ считается Калла-султанъ, сынъ брата приведеннаго хана. Имѣя въ виду, что онъ начальникъ

войска, его можно было сравнивать съ польскимъ гетманомъ коронным, съ тѣмъ только различіемъ, что калга слѣдуетъ непосредственно за ханомъ, и что сему послѣднему никто изъ султановъ, не бывъ предварительно Калгою, не можетъ наслѣдовать. За Калгою слѣдуетъ султанъ Нурреддинъ, подъ-полководецъ и султанъ Орбей или Оркапи, который можетъ быть сравниваемъ съ польскимъ коронным стражникомъ.

Приведенные три сановники считаются главными, за тѣмъ слѣдуютъ сыновья хановъ и другіе султаны той-же фамиліи, занимающія, смотря по своимъ способностямъ, мѣста болѣе или менѣе важныя.

Далѣе говорилъ Эворка, что Крымъ производитъ въ изобиліи не только для потребленія но и для вывоза, въ особенности медъ, неуступающій польскому т. н. Липецкому, воскъ, хорошую шерсть, масло, пшеницу, рожь, барановъ, коихъ однихъ ежегодно отпускается въ Константинополь до 100,000 головъ, рогатый скотъ и соль, которая въ лиманахъ садится въ іюнѣ мѣсяцѣ подобно льду, а въ сентябрѣ снова исчезаетъ.

Крымскихъ или перекопскихъ Татаръ считалось до 150,000 вооруженныхъ, да кромѣ того на случай войны имѣлось еще подъ оружіемъ до 40,000 семействъ ногайскихъ Татаръ.

Весь полуостровъ раздѣлялся на 40 кантоновъ, заключающихъ въ себѣ, каждый, отъ 30 до 40 селеній и находившихся подъ вѣдомствомъ судьи или кади.

Доходы хана простирались примѣрно до 1000 кошельковъ, по 500 брабантскихъ талеровъ (Löwenthaler) каждый. Тутъ подразумѣваются какъ обыкновенныя субсидіи Порты, такъ и доходы съ этого края, которые ханъ получаетъ съ городовъ и селеній, населенныхъ преимущественно Греками, съ таможенныхъ пошлинъ за привозные и отпускные товары (ок. 80 кошельковъ) и соли (около 40).

Кальгѣ Султану принадлежатъ города Акмечетъ, Сультанъ-Сарай и Карасу (*Karassa*: Карасу-базаръ), который по объему и по торговлѣ превышаетъ Бакчисарай. Кромѣ того ему принадлежали многія населенныя христіанами селенія, такъ что доходы его годовые простирались до 300 кошельковъ.

Султану Нурредину принадлежатъ городъ Эскикрымъ, лежащій внутри края въ 50 верстахъ отъ Каффы, равно какъ и городъ Судакъ, гдѣ ростетъ лучшее Крымское вино. Доходы сего сановника составляли около 60 кошельковъ, кромѣ 10—12 кошельковъ назначаемыхъ ему Портою съ доходовъ Каффинскихъ

Султанъ Орбей или Оркани пользовался доходами города

Перекопа и товаровъ туда доставляемыхъ для привоза или отпуска. Вообще его доходы около 100 кошельковъ.

Приведенный польскій дворянинъ Буковскій въ свою очередь разсказывалъ, что онъ товарищъ коронпаго кравчаго Госкаго, и что его отправилъ коронный гетманъ съ тѣмъ, чтобы жаловаться на враждебныя дѣйствія Орликскихъ козаковъ въ апрѣлѣ въ польской Украйнѣ и просить отвѣта на письмо, которое имѣлъ при себѣ. Далѣе онъ говорилъ, что, прибывши 18 мая н. ст. въ Перекопъ онъ тамъ уже не засталъ хана, выступившаго на встрѣчу русскому войску: хотя по этому губернаторъ Перекопскій ему послалъ сказанныя письма, но получилъ отвѣтъ отъ хана, что онъ, по случаю похода, не могъ заниматься этимъ дѣломъ и просилъ, чтобы посланникъ имѣлъ еще терпѣніе и подождалъ до болѣе удобнаго времени. По этому онъ, Буковскій, оставшись еще 4 дня въ Перекопѣ и неимѣвшій съѣстныхъ припасовъ, согласно изъявленному желанію переведенъ былъ въ Бакчисарай. Послѣ шестидневнаго тамъ пребыванія, ему суждено было видѣть, что Татары разграбили и умертвили многихъ жителей римско-католическаго исповѣданія, почему и рѣшился спастись въ Каффу, получивши для этого отъ знатнаго турка Наимъ-эфенди паспортъ и двухъ человѣкъ стражи. Но, посовѣтовавшись съ французскимъ консуломъ, съ которымъ между тѣмъ свелъ знакомство и опасаясь отправиться въ Каффу, они напоили свою эскорту и спаслись въ горы, отстоящія въ полторы мили отъ Бакчисарая, населенныя Греками и Армянами и доступныя только чрезъ ущелье, которое одинъ только человѣкъ можетъ проходить разомъ. Когда же по пушечнымъ выстрѣламъ догадывался о приближеніи русскаго войска, онъ вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ отправился въ путь, чтобы искать покровительство для себя и для христіанъ обитавшихъ въ горахъ. Дорогою-же онъ былъ встрѣченъ партіею русскихъ козаковъ, доставившихъ ихъ въ лагерь.

Все это было-бы довольно правдоподобно, если-бы неимѣлись другія извѣстія, по которымъ можно было подозрѣвать, что коронный гетманъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ ханомъ и доставлялъ ему какія то свѣдѣнія посредствомъ этого посланника.

Впрочемъ донесенія обоихъ сходны были въ томъ, что орда ханская уменьшилась до 30,000 человѣкъ, по большей части Ногайскихъ Татаръ. Всѣ болѣе зажиточные спаслись въ Каффу, гдѣ впрочемъ Турки болѣе не хотѣли принимать Татаръ, поелику городъ этотъ уже до такой степени былъ наполненъ народомъ, что ока или три фунта прѣстной воды продавались по 12 копѣекъ или 3 гроша.

